

НАТАЛИЯ РАУС

СИНЯЯ БОРОДА LIGHT

или

жизнь как источник потрясений

Наталия Раус

**Синяя борода light или Жизнь
как источник потрясений**

«Издание книг ком»

2022

УДК 82-3
ББК 84-44

Раус Н. В.

Синяя борода light или Жизнь как источник потрясений /
Н. В. Раус — «Издание книг ком», 2022

ISBN 978-5-907446-69-4

«... На лестничной площадке человек пять и в форме, и без нее очень активно перемещались, и понять, какая именно квартира является объектом их внимания, Костя сразу не смог. – Молодой человек, ну что вы замерли? Проходите, пожалуйста, не задерживайтесь, – бросил кто-то в сторону Константина, который встал, как вкопанный, пытаясь понять, что здесь происходит. – А я, собственно, уже пришел. Я здесь живу. В пятнадцатой квартире, – произнес Костик почти шепотом, шелестя сухими губами и поймав наконец-то мысль, которая билась в его голове, – что-то случилось именно в его доме, за дверью квартиры номер пятнадцать. На лестничной площадке все вдруг на мгновение остановились, потом один из милиционеров тронул Костю за рукав и деликатно, но твердо направил его в сторону открытых нараспашку дверей, за которыми почему-то было темно. Стоя в темной прихожей и слыша в глубине квартиры тихий женский плач, такой отчаянный и такой безнадежный, Константин почувствовал, как сердце забухало в грудную клетку, и безоговорочно понял – что-то случилось. Что-то страшное. Ему вспомнилось сегодняшнее утро...»

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-907446-69-4

© Раус Н. В., 2022

© Издание книг ком, 2022

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталия Раус
Синяя борода light или жизнь
как источник потрясений

© Раус Н. В., 2022

© «Издание книг ком», о-макет, 2022

Пролог

МОСКВА, 2002

Телефонный звонок был настолько оголтело настойчив, что я, взглянув с сожалением на экран монитора, где светился почти готовый документ, и вспомнив весь свой достаточно убогий запас ненормативной лексики, все-таки подняла телефонную трубку.

– Я вас слушаю, – раздраженно проговорила я в микрофон в надежде, что на этом все и закончится.

Но не тут-то было: трубка громко булькала и клокотала, хлюпала и сморкалась, искрила и брызгала слюной. Поток эмоций, видимо, не планировал утихать. Надо было брать ситуацию в свои руки.

– Зоя, это ты? – в трубке что-то утвердительно квакнуло. – Что случилось? Ты можешь говорить чуть тише и чуть разборчивее, я ничего не понимаю.

Какое-то время я, молча, слушала словесное извержение на той стороне провода, а когда лава замедлила движение, попробовала встрять:

– Если это, как ты говоришь, не телефонный разговор, то зачем ты мне звонишь?.. Встретиться? Сегодня вечером? Нет, я не могу – у меня завтра важное пресс-мероприятие, и как обычно, ничего не готово. К вечеру все только проснутся, осознают, и начнется суматоха. Как ком с горы!.. Нет, нет и нет!

Я замолчала, а из трубки понеслись всхлипы, явно просительного свойства, и стало понятно, что мне не отвертеться, – больше времени потрачу на объяснения, почему я не могу встретиться вечером.

– Послушай, дорогая, – втиснулась я в разговор, когда моя собеседница набирала воздух для следующей тирады. – Вечером я совсем не могу, и это не обсуждается! Но если, как ты говоришь, у тебя вопрос жизни и смерти, то я могу заскочить к тебе часа в два на кофеек. Только с условием, что встречаемся в маленьком кафетерии на четырнадцатом этаже – там тихо и практически не бывает твоих коллег. Договорились? Не забудь заказать пропуск...

Я положила трубку и оценила масштаб работ: финальный список прессы будет готов не раньше семи вечера, потому что до сих пор идет подтверждение, подготовка информационных пакетов для журналистов начнется и того позже, так что все вроде хорошо, в рабочем порядке.

Вернувшись к документу, который висел на моем мониторе, я дописала последнюю цитату:

«Компания XXX в России и странах СНГ, как и во всем мире, намеревается активно использовать свой опыт создания новаторских решений в области систем... для корпоративной среды. Сейчас мы можем предложить системы..., восстановление систем после сбоя и поддержание непрерывности деловой активности, консолидацию всех систем..., – сказал NN, Глава российского Представительства компании XXX. – Стратегия компании XXX основывается на признании того факта, что заказчикам требуются решения, позволяющие им получить доступ и контроль над своими данными без необходимости быть «привязанными» к патентованным решениям. Это в полной мере относится к России, к ее перспективному, растущему рынку, где объемы пользовательской информации будут неизбежно возрастать. Следовательно, наша задача – предлагать такие продукты и решения, которые обеспечат возможность справиться с этим ростом».

Закончив пресс-релиз, я перечитала его, удовлетворенно хмыкнула, после чего закрыла файл и отправила готовый документ на утверждение клиенту. Теперь у меня есть часа полтора-два, чтобы на той стороне собрались в кучу и прокомментировали.

– Меня не будет часа два, но я на связи, – обратилась я ко всем сотрудникам сразу. Все покивали, не отрываясь от своих дел, и я очередной раз порадовалась тому, как хорошо, когда твои коллеги еще и соратники.

Высочив на Большую Никитскую, я похвалила себя за то, что в последний момент захватила жакет: на улице не было холодно, но, когда солнце скрывалось за тучами, становилось неуютно. Через арку Зоологического музея я попала в тенистый дворик «на задах» факультета стран Азии и Африки МГУ, прошла мимо Геологического музея и вышла на Моховую, где было шумно и многолюдно. Центр!..

Пройдя мимо гостиницы «Националь» к подземному переходу, я поднялась на Тверскую со стороны громады Государственной Думы и решительно направилась в Георгиевский переулок, где находилось думское бюро пропусков. Без пяти два я входила в лифт этого благословенного учреждения, а в два открывала дверь в маленький, на три столика, кафетерий, где кроме буфетчицы и моей подруги, которая сидела здесь уже, видимо, какое-то время за накрытым столом, никого не было.

– Ну, наконец-то! – простонала Зоя, промокая бумажной салфеткой заплаканные глаза. – Я тебя жду, жду, а тебя все нет и нет!

– Не нагнетай! Я пришла ровно в два, как мы и договаривались, – сказала я, усаживаясь за стол и всем своим видом показывая, что на ее истерику не поддамся.

Чтобы немного сбить накал страстей и дать подруге немного успокоиться, я задала провокационный вопрос:

– Скажи, Зоинька, какая заклятая подруга, а проще говоря, какая завистливая сволочь, подсказала тебе этот безумный цвет волос?

– А что тебе не нравится? – Зоя мгновенно ощетибилась и приобрела боевую окраску. – Самый модный цвет в этом сезоне – цвет «баклажан». И, по-моему, мне очень идет. Ты не находишь?

– Не нахожу. Модный цвет «баклажан» может идти только баклажану, – я с удовольствием отхлебнула кофе, который здесь готовили отменно, и поддала жару. – Ты ведь не баклажан? Хотя по твоему костюмчику из джерси свекольного цвета, этого не скажешь. Ты ведь, дорогая моя, не березка стройная, а девушка с вполне ощутимыми достоинствами, поэтому джерси – это не твой вариант! Могу предложить тебе...

В этот момент я подняла глаза от пирожного и поняла, что нужного мне эффекта я достигла: от Зойки в мою сторону летели молнии, и, судя по выражению лица, громы тоже не заставят себя ждать. Я не выдержала и захохотала:

– Как мало все-таки надо, чтобы вернуть женщину в боевое состояние, – я чуть не подавилась куском «наполеона». – Пару «комплиментов» ее внешности, и она забывает обо всех невзгодах и готова биться за себя, любимую, с каждым, кто посягнул на ее представление о красоте.

– Ты что, все это нарочно говорила? – Зоя пыталась осознать, куда ее загнали.

– Я это говорила для того, чтобы ты перестала распускать слюни и рассказала мне, что случилось, без слез и соплей. Теперь возможно поговорить спокойно? – я надеялась, что сумела настроить подругу на деловой лад.

– Конечно, возможно. Только сначала ты мне ответь: про джерси и «баклажан» ты шутила или серьезно? – Зоя смотрела на меня с большим подозрением.

– Ты же знаешь, что в любой шутке есть доля того, на что стоит обратить внимание. И в данном случае тоже. Джерси носи на здоровье, но на размер больше, волосы крась, во что хочешь, но знай, что идет тебе больше всего твой собственный, темно-русый цвет с золотым отливом. И говорю я тебе об этом совершенно искренне, потому что люблю тебя, дурищу доверчивую! – я решила, что достаточно подготовила Зою к проблемному разговору. – А теперь выкладывай, что у тебя случилось?

Выражение лица у Зойки после моего вопроса было такое, как если бы она со всего маху ткнулась в закрытую дверь. Она, явно, начала отматывать назад и вдруг произнесла:

– Ты помнишь моего первого мужа?

В этот момент на закрытую дверь налетела я. Еще бы мне его не помнить, хотя история, где он был главным героем, произошла очень давно....

Часть первая

До и ...

Глава 1

МОСКВА, 1984

– Поднимайтесь по лестнице! У них лифт не работает! Мы – на шестом! – раздалось сверху так неожиданно и громко, что Костя вздрогнул и отпустил кнопку вызова неработающего лифта, который он тщетно пытался вызвать. Покрутив головой по сторонам и не увидев вокруг никого, кроме себя, Костик озадачился и заглянул за угол, в ту часть подъезда, где были почтовые ящики. Там он обнаружил двоих молодых мужчин, которым, видимо, и предназначался призыв, причем один спокойно курил, а второй бил копытом, явно желая заразить своим энтузиазмом напарника.

– Ну, что ты волнуешься? – курящий всем своим видом демонстрировал полное спокойствие и железный характер. – Дай мне докурить без нервов. Сейчас ведь поднимемся наверх и всё! Алес капут! Никакой личной жизни – не поесть, не попить, не покурить...

– Все-таки ты поторопись и давай заканчивай побыстрее, нас ведь там ждут, – второй, некурящий, переминался с ноги на ногу и потихоньку тянул первого, курящего, к лестничному пролету.

Мужчины начали подниматься, и до Кости еще какое-то время доносились отдельные фразы их разговора о несправедливости бытия и о том, что труп, к которому они поднимаются, относится к категории объектов тихих, сдержанных и, как правило, невозмутимых, и значит, их обязательно дождетя.

Костя тоже двинулся в сторону лестницы, понимая, что ловить на первом этаже уже нечего и надо предпринимать радикальные шаги. В голове тоненько забились мысли, что ему тоже на шестой этаж и что там могло случиться, если Нина Ивановна и Павел Григорьевич, которые жили в соседней, двухкомнатной квартире, уехали в Киев, к дочери, а Игорь Сергеевич, из однокомнатной напротив, вторую неделю бьет в бильярд в министерском санатории.

«Кого-то из них обокрали! – с ужасом подумал Костик и прибавил шагу...

... На площадке человек пять и в форме, и без нее очень активно перемещались, и понять, какая именно квартира является объектом их внимания, Костя сразу не смог.

– Молодой человек, ну что вы замерли? Проходите, пожалуйста, не задерживайтесь, – бросил кто-то в сторону Константина, который встал, как вкопанный, пытаясь понять, что здесь происходит.

– А я, собственно, уже пришел. Я здесь живу. В пятнадцатой квартире, – произнес Костик почти шепотом, шелеся сухими губами и поймав наконец-то мысль, которая билась в его голове, – что-то случилось именно в его доме, за дверью квартиры номер пятнадцать.

На лестничной площадке все вдруг на мгновение остановилось, потом один из милиционеров тронул Костю за рукав и деликатно, но твердо направил его в сторону открытых нараспашку дверей, за которыми почему-то было темно.

Стоя в темной прихожей и слыша в глубине квартиры тихий женский плач, такой отчаянный и такой безнадежный, Константин почувствовал, как сердце забухало в грудную клетку, и безоговорочно понял – что-то случилось. Что-то страшное. Ему вспомнилось сегодняшнее утро...

Из воспоминаний

... Еще не открыв глаза, Костя услышал женские голоса, которые раздавались из кухни: две его любимые женщины, как обычно, упражнялись в ядовитости. Эти тренировки в зло-словии проходили в его квартире последние два года с завидной регулярностью. Костя не мог понять, почему эти женщины первое время жили душа в душу, а теперь, вот уже почти два года, ведут военные действия с мелкими, но вполне ощутимыми, вылазками и набегами.

Наверное, это началось в тот момент, когда Ляля, жена Костики, не посоветовавшись с ним, завела разговор о размене квартиры. Да, да, это случилось именно тогда. Костя хорошо помнил лицо матери в ту минуту. Он еще подумал тогда: «Ну, всё! Началось!». И оно нача-лось.

Сначала редко, и даже как-то незаметно. Потом все чаще и чаще, перерастая в нена-висть, которую обе женщины демонстрировали чрезвычайно интеллигентно: никаких бран-ных слов, никакого повышения голоса, никакого мордобоя и поножовщины. Они просто раз-говаривали друг с другом, но количество яда в этих разговорах было таково, что его можно было продавать ведрами на оптовом рынке...

– Надо вставать, – произнес Костик вслух, чтобы мобилизоваться. – А то они поуби-вают друг друга!..

... Когда мужчина, чистый, одетый и благоухающий, появился на кухне, битва титанов подходила к концу. Раскрасневшиеся дамы явно получали удовольствие от происходящего и, если бы была возможность, продолжали бы беседу до бесконечности, но время, явно, поджи-мало.

– Мы еще вернемся к нашему разговору вечером, – сказала Ляля, поправляя выбившуюся прядь волос.

– Непременно, – не преминула вставить мамуля, которая всегда оставляла право на последнее слово за собой.

Ляля клюнула Костику в щеку, процокала в прихожую, крикнула оттуда «Всем пока!» и была такова.

Костя и Капитолина Сергеевна остались одни.

– Не надоело? – дожевывая сырник, спросил сын у матери.

– Не то слово, – ответила мамуля, наливая Костику кофе. – А тебе? Я на твоём месте давно бы развелась...

– Не начинай, мама, пожалуйста, – взмолился взрослый мальчик. – Ну, сколько можно?! Ведь все было хорошо!

– Да, все было хорошо, пока эта рыжая хищница не открыла свой роток на все, что принадлежит семье Гриневских, – Капитолина Сергеевна закатила глаза и принялась демон-стративно считать свой пульс. – Ну, вот. Опять тахикардия.

Костя встал, обнял мать за плечи, усадил за стол, привычно накапал в рюмку валокор-дин, развел водой и поставил на стол. Она привычно опрокинула рюмашку лекарства, помор-щилась, знаком показала сыну, чтобы налил воды. И все это молча – эти двое понимали друг друга без слов.

– Я правильно понимаю, что разводиться с этой рыжей бестией ты не планируешь? – Капитолина Сергеевна вопросительно посмотрела на сына. Тот отрицательно мотнул голо-вой. – Жаль! Значит, мы пойдем другим путем!

– Мамуль, не ходи никуда! Отдохни! – хохотнул Костик, уже обуваясь в прихожей.

– Вечером вас ждет большой сюрприз, – торжественно сказала мать, поправляя сыну шейный платок.

– Боюсь я твоих сюрпризов! – смеясь, сказал Костик, чмокнул мать в щеку и закрыл дверь...

Войдя в ярко освещенную гостиную, Костя увидел живописную картину: за столом сидела Ляля с распухшим заплаканным лицом, возле которой суеился врач, напротив нее – симпатичный молодой человек, который терпеливо ждал, пока Ляле сделают укол, еще человек пять копошились вдоль стен и книжных шкафов, вооружившись кисточками и еще какими-то инструментами, предназначение которых было Костику неизвестно. Он поздоровался.

Все взгляды обратились к нему, и выражение их глаз Косте не понравилось.

– Добрый вечер! – деревянным голосом повторил он. – А где мама?

– Здравствуйте! – молодой человек поднялся из-за стола и представился. – Старший лейтенант Челикин, Сергей Владимирович, следователь. Буду работать по вашему делу.

– Какому делу? Я ничего не понимаю, – Костя никак не мог сообразить, куда ему поставить кейс, который был у него в руках. – Оля, что здесь происходит? Может быть, ты мне объяснишь?

– Костик, мама умерла... Я пришла с работы, поставила варить кофе, решила позвать Капитолину Сергеевну, чтобы помириться и поговорить без тебя, – Ляля говорила скороговоркой, проглатывая слова и слоги. – Стучусь к ней, она молчит. Я захожу, а она холодная...

Ляля заревела, уткнувшись лицом в ладонки. Сквозь пальцы, по рукам потекли слезы.

– Я не понял – чья мама умерла? – спросил Костя, и врач внимательно на него посмотрел.

– Я сейчас все объясню, присядьте, – молодой следователь встал, отодвинул стул и жестом пригласил Костю сесть. – Константин Николаевич, я должен выразить вам мои соболезнования: вашу маму ваша жена, вернувшись с работы, нашла мертвой. Это событие произошло без свидетелей, и нам надо понять – была ли смерть естественной или криминальной, поэтому сейчас здесь работает следственная группа. Теперь вам понятно, что случилось и что происходит?

– Понятно. Нет, не понятно, то есть как это – умерла? Мама умерла? Этого не может быть! – Костя даже задохнулся от возмущения. – Она, правда, утром сказала, что готовит мне сюрприз вечером, но не до такой же степени! Посмотрите внимательно, она ведь могла и пошутить! Надо знать мою маму. Скажи им, Ляля!

– Константин Николаевич, я сейчас задам вам пару вопросов, а потом объясню, чем мы здесь заняты, – Сергей неопределенно мотнул головой. – Первый вопрос. Когда видели вашу мать последний раз?

– Дурацкий вопрос! Утром сегодня видел, перед тем, как уйти на работу – она закрывала за мной дверь. Да в чем, собственно, дело? Что с мамой? Что вы мне голову морочите!? – Гриневский рассердился уже не на шутку.

– Успокойтесь, пожалуйста, – старший лейтенант Челикин сочувственно посмотрел на Костика. – Дело в том, что поскольку ваша мама умерла, то мы...

Побелевший вдруг, как стена, Костя безо всякой подготовки, неожиданно для всех рухнул со стула на пол. Сережа Челикин, в свою очередь, обомлел, захлопал ресницами и стал растерянно озираться по сторонам в поисках помощи.

– Может быть, врача? – спросил кто-то от шкафа.

– Веня, ты – гений! Конечно, врача, – Сережа откашлялся и заорал, что есть мочи. – Врача!

– Ну, что вы кричите, как оглашенный? Я – врач, – неторопливо сказал доктор, делавший Ляле укол, а она сползла со стула, встала на колени перед лежащим Костей, посчитала пульс и сказала. – Сейчас он придет в себя. Давайте поможем ему сесть.

Действительно, Костик зашевелился, глубоко вздохнул и открыл глаза. Сергей и Ляля подхватили его под руки и усадили на стул.

– Оля, объясни, что случилось. Что с мамой? – Костя сфокусировал взгляд на жене. – О чем говорит этот... старший лейтенант?

– Костик, Капитолина Сергеевна действительно умерла. Я сегодня пришла с работы, а она уже... Я вызвала скорую, они милицию. Я даже тебе не позвонила на работу, так закрутилась.

Может и правильно, что не позвонила, – Ольга говорила, повторяясь, скороговоркой, словно боясь ответной реакции мужа.

– Вот и славно! Квартиру менять не надо. Правда, дорогая? – монотонно, без выражения произнес Костя и посмотрел на Лялю пустыми глазами. – А мама где? У себя? Можно мне к ней пройти?

Он умоляюще глянул на Челикина. Тот кивнул и жестом попросил мужчину в очках по имени Веня проводить Костю в соседнюю комнату, где еще лежала Костина мать и где активно работали специалисты.

Когда Константин вышел, то Сережа Челикин, который опять вернулся к своим обязанностям следователя, вкрадчиво начал разговор:

– Ольга Станиславовна, о каком это размене квартиры говорил Константин Николаевич? Не поделитесь?

– Да, о чем здесь говорить... Хотели мы разменяться, – Ольга устало посмотрела на Челикина. – Вернее, я хотела. Уже два года хочу, а воз и ныне там...

Ольга Станиславовна забралась в кресло с ногами, укуталась пледом и продолжила:

– Что-то знобит... Попробую вам объяснить... Мою разлюбезную свекровь, маму Костика можно долго описывать разными нормативными и ненормативными выражениями, а можно описать одним – свекровь с большой буквы «С»! Любая женщина, ставшая волей случая матерью мальчика, превращается одновременно в часть геометрической фигуры, в сторону или угол любовного треугольника: любящая мать – любящая жена – и любимый всеми мальчик! Любящая мать, став свекровью, уверена, что ни одна женщина на свете не достойна ее сыночка, такого красивого, умного, успешного и такого маминого. И даже если все эти качества, напрочь отсутствуют в объекте обожания, это ничего не значит. Как говаривала одна моя подруга: «Сын у меня один, а невесток может быть, хоть пруд пруди!». Вы знаете, я иногда задумывалась – как бы я себя вела, будь у меня сын? И не могла ответить однозначно...

Ольга помолчала.

– Но все это лирические отступления. Суть их в том, что все проблемы, связанные с таким любовным треугольником, можно решить разными способами: можно сразу лечь под противника и постоянно лупить ладошкой по тотам, можно вести войну тайную, в надежде, что ночная кукушка дневную перекукует, можно вести войну открытую, используя для этого методы вербального напалма, а можно видаться, как можно реже, но для этого надо, как минимум, разъехаться. Именно это, я и пытаюсь сделать, и попытки мои длятся уже почти два года. Правда, все безрезультатно. Капитолина Сергеевна – женщина властная, из серии «если я чего решил, то выпью обязательно!». Ее ни на какой козе не объедешь! Сказала, что будете жить здесь, вместе со мной, значит, будете жить. Естественно, это касается Костика, а ты, то есть я, можешь выметаться хоть сейчас, тебя никто не держит. Да, быть невесткой Капитолины Сергеевны – большое испытание! Она – боец, каких поискать...

Ольга Станиславовна опять замолчала, задумавшись, следовательно ждал, не перебивая.

– А вы знаете, что я – третья жена Константина Николаевича Гриневского? – встрепенулась Ляля, Сергей отрицательно мотнул головой. – Ему только-только исполнилось тридцать лет, а он уже три раза был женат! И все благодаря своей мамуле. Я вот уже почти шесть лет пытаюсь наладить с ней нормальные отношения. Сначала все было неплохо, а потом... Последние два года стало совсем тяжело. И не то, чтобы мы ругались, нет. Просто в каждом слове – яд, в каждом поступке – подвох, в каждой шутке – издевка...

У Капитолины Сергеевны есть такая фишка: если что-то не по ней, она перестаёт тебя замечать! Это большое искусство – сделать тебя пустым местом. Мама Костика владеет им в совершенстве! Не каждый выдерживает. Я вот держусь. Вторая жена Кости, Татьяна, терпела два года и плюнула. А с первой женой Константина и первой невесткой Капитолины Сергеевны вообще была история...

– У меня создается впечатление, Ольга Станиславовна, что вы хорошо знакомы с предыдущими женами своего мужа, – следовательно слушал внимательно и заинтересованно. – Согласитесь, не очень стандартная ситуация. Как это получилось?

– Не могу сказать, что я с ними хорошо знакома, скорее, односторонне, – Ляля улыбнулась. – Я же – врач-гинеколог, ко мне приходит множество женщин, а когда среди этих женщин появляется пациентка с фамилией Гриневская, я невольно обращаю на нее внимание. Так было с Татьяной, второй женой Костика. Она очень приятная девочка, красавица необыкновенная, и, по-моему, ваша коллега. Мы виделись с ней несколько раз, ровно столько, сколько визитов к гинекологу положено здоровой женщине. Правда, телефонами мы обменялись и даже пару раз созванивались.

А вот первую жену Кости ко мне на прием привела моя знакомая, Наташа Райс. Её и мои родители дружат, они – соседи по подъезду. Отсюда мы с ней знаем друг друга. Шапочно, конечно, но вполне достаточно, чтобы обратиться с просьбой. Наташа и обратилась, не подозревая, что мы с ее подругой – жены одного мужа. Дело в том, что она не знала мою замужнюю фамилию, а только фамилию моих родителей. Короче, Наташа позвонила, мы договорились о встрече, и они пришли. После того, как я осмотрела Зою, по-моему, ее так зовут, стало понятно, что проблем у девчушки выше крыши. Я попросила Наташу остаться в кабинете и рассказать мне о Зое побольше, чтобы собрать максимально полный анамнез. Вот тут я и узнала историю первого брака Константина. Вкратце, конечно...

Глава 2

МОСКВА, 1984

– Что же было дальше? – заинтересованно спросил следователь Сережа, оторвав взгляд от висящего на стене портрета, и повернул голову в сторону рассказчицы. Она молчала и смотрела, полными слез глазами, на Костю, стоящего в дверях гостиной. Тот был спокоен, даже слишком.

– Так что же все-таки случилось? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь, но уже понимая, что ничего хорошего он не услышит.

Все присутствующие в комнате посмотрели на Костю сочувственно, а Ляля зашла в каком-то нечеловеческом стоне. В это время мимо гостиной по коридору проносили носилки. Костя сорвался с места, поднял простыню, закрывающую тело, увидел лицо матери. Она улыбалась...

Костик вернулся за стол, посидел немного, глядя в пустоту, потом взял себя в руки и, обращаясь к следователю, сказал:

– Я готов. Задавайте свои вопросы...

«Слава богу, истерики не будет», – подумал про себя Челикин и заговорил с Гриневским самым деловым тоном, на который был способен:

– Причина смерти вашей матери пока неизвестна. Она, эта причина, вполне может быть естественной – сердце, сосуды...

– А почему у вас возникли сомнения в естественности смерти мамы? – безжизненным голосом поинтересовался Костя.

– Дело в возрасте вашей матушки, – начал терпеливо объяснять следователь. – Она, по мнению врачей скорой помощи, не входит в группу риска по сердечно-сосудистым заболеваниям, поэтому они вызвали не просто участкового милиционера, а следственную бригаду управления, чтобы исключить суицид и криминальную составляющую. Все это будет понятно после вскрытия, а пока мы здесь и делаем свою работу. И именно поэтому я задам вам еще несколько вопросов.

Следователь Челикин открыл свой блокнот, сделал в нем пометку и обратился к Константину:

– У вашей матушки были проблемы со здоровьем? Такие проблемы, которые либо сами по себе могли привести к летальному исходу, либо могли спровоцировать суицидальные действия со стороны вашей матери?

– Насколько мне известно, таких проблем у мамы не было, – не совсем уверенно произнес Костя, посмотрев при этом на жену, которая в свою очередь только пожала плечами. – Она следила за своим здоровьем.

– Возможно, у Капитолины Сергеевны были неприятности, о которых вы не знаете? Или у нее были недруги, которые портили ей жизнь? – следователь явно пытался нащупать причину, следствием которой могла бы стать смерть еще нестарой женщины.

– Вы не знаете мою маму! – Костик стал даже заикаться от возмущения. – Скорее, мама может стать причиной неприятностей для кого бы то ни было, это она может испортить жизнь кому угодно. Поверьте, это так! Причем, делает мама это исключительно для блага семьи, моего, своего... Ляля, ну скажи, что я прав!

Ольга Станиславовна в ответ только кивнула головой.

– Тогда тем более надо разобраться в том, что случилось, – Сергей Челикин с интересом смотрел на молодого человека, который, судя по всему, еще не понимал, что его матери, самой близкой и любящей женщины, уже нет на свете. – Давайте поступим следующим образом: сей-

час вам надо отдохнуть, прийти в себя, а через пару дней я жду вас в управлении. К этому времени будут готовы результаты вскрытия и еще кое-каких экспертиз, а значит, нам будет, о чем поговорить. Договорились?

В этот момент в гостиную заглянул один из сотрудников:

– Сергей Николаевич, мы закончили. Вы с нами или задержитесь?

– Я с вами, если вы в управление. Мне еще к Прохорову надо заглянуть.

– Да, мы в управление. Надо все, что наработали здесь, передать в лабораторию. Ждем вас внизу в машине.

Следователь Челикин собрал в портфель все бумажки, бланки, блокноты, попрощался с четой Гриневских и вышел из квартиры. Лифт все также не работал, и Сережа рванул вниз по лестнице, догонять своих коллег, которые, не торопясь, спускались двумя пролетами ниже.

– Странная история, – сказал один из экспертов. – Вы слышали, что этот Костик про-изнес, когда зашел в комнату матери? «Мам, хорош дурака валять, поднимайся! Мне скоро дурно будет от твоих сюрпризов!» Во как! А когда понял, что она действительно умерла, то весь позеленел, сел рядом с ее кроватью и только шепчет – зачем, зачем, зачем?..

– Согласен с тобой, много не понятного в этой ситуации, – дежурный медэксперт, пытаясь вступить в разговор. – Молодая еще по сути баба умирает ни с того ни с сего. Внешне никаких признаков тяжелой хроники или традиционного отравления. Надо бы подгадать, чтобы вскрытие проводил Петр Семенович. Без Евстигнеева здесь не разобраться. Ты сможешь это организовать, Сережа?

– Попробую. Я сегодня зайду к Прохорову, доложу наши непонятки и попрошу его откомандировать к нам великого и ужасного Петра Евстигнеева, – Сергей Челикин полез в ПАЗик, занял место у окна и прикрыл глаза. – Народ, давайте поживее, а то мне еще к начальству надо, а оно имеет нормированный рабочий день. В отличие от нас, бедолаг...

... Когда в квартире остались только Гриневские, они еще долго сидели молча, глядя каждый перед собой. Говорить не хотелось, поэтому Костик просто встал, прошел в прихожую, переобулся в уже ненужные домашние туфли, заглянул в кухню, где включил чайник, и вернулся в гостиную. Ляля сидела все там же, не меняя позы и выражения лица.

– И что это было? Как думаешь? – Костя попытался придать голосу какую-то окраску, но не вышло – голос был монотонным и сухим. – Что случилось с мамой? Еще утром она была совершенно здорова и, как обычно после ваших перепалок, в боевой окраске. Что могло произойти? Ты же врач, может быть тебе понятнее, чем мне, что произошло?

– Да я понятия не имею, что здесь случилось! – тихо, но раздраженно сказала Ольга. – Когда я вернулась после работы, Капитолина Сергеевна была у себя в комнате. Я перекрестилась и занялась обычными делами: переоделась, сходила в душ, полежала минут двадцать и решила сварить кофе. Подумала, сейчас сварю, позову свекровь и, пока тебя нет, поговорим с ней по душам.

И, может быть, до чего-то договоримся. Прошла на кухню, начала ковыряться, и у меня турка упала на пол. С грохотом, как ты понимаешь. Я замерла, всё тихо. Я еще в тот момент удивилась, почему твоя мама не выскочила из комнаты с ядовитым замечанием относительно моей криворукости. Подумала – пронесло. Когда кофе был готов, я пошла за Капитолиной Сергеевной. Постучала, она не отвечает. Приоткрыла дверь, она лежит на кровати, одетая с закрытыми глазами, как, если бы прилегла вздремнуть. Я подошла к ней, тронула за плечо и, как-то сразу поняла, что она... не живая. Проверила пульс и вызвала скорую. Они приехали, посмотрели и вызвали милицию. И все завертелось. Потом пришел ты. Вот и всё.

Они опять помолчали, после чего Костя снова взял инициативу в свои руки:

– О чем тебя спрашивал следователь? Может быть, по его вопросам мы поймем, что они-то думают по этому поводу?

– Мы говорили со следователем о нашем размене, совсем немного, – Ляля мгновенно отреагировала на удивленно поднятые брови Кости. – А как ты думаешь? Ты бросаешь мне фразочку: мол, дорогая, теперь все зашибись и размениваться не надо! Конечно, следователь тут же за нее зацепился. Не удивлюсь, если он решит, что это я угробила свекровь, чтобы заполучить квадратные метры принадлежащей тебе квартиры!..

– А ты не гробила? – вопрос прозвучал настолько издевательски, что Ляля подскочила в кресле и выпустила шипы.

– Давай договоримся раз и навсегда – я этого не делала! – Ольга Станиславовна выпрямилась и гордо вскинула голову. – Я давно могла бы замутить эдакое, если бы хотела! Во всяком случае, за два года, в течение которых мы с Капитолиной Сергеевной ведем боевые действия, уже можно было что-нибудь придумать. Костя, я очень прошу тебя – даже не шути так. Пожалуйста!

– Да какие тут шутки, – как-то безнадежно сказал Костик, с трудом оторвался от притолоки двери в гостиную и устало двинулся в сторону кухни. – Пойдем кофе, что ли, выпьем. Надо руки чем-то занять...

Когда кофе был кое-как сварен, и Гриневские уселись за столом, старательно обходя взглядом место, на котором традиционно сидела Капитолина Сергеевна, они первый раз за вечер посмотрели друг другу в глаза. И поняли, что жить вместе уже не смогут.

Чтобы хоть как-то сгладить неловкость ситуации, Ольга заговорила, пытаясь за быстротой речи скрыть суть сказанного:

– Костя, может быть нам с тобой сегодня поехать к моим родителям? Чтобы немного прийти в себя, свыкнуться с мыслью, что твоей мамы больше нет. А можем не к родителям, можем в гостиницу. Ну, просто, чтобы уехать отсюда. Или тебя ничего не смущает?!

Костик смотрел на жену, видел, как двигаются ее губы, слышал произносимые ею звуки, но не мог уловить смысла того, о чем она говорит. Его, что называется, накрывало. До него вдруг стало доходить, что уже никто и никогда не назовет его сыном, сынком, сыночком. Никто и никогда! Ему захотелось быть...

Костя резко встал из-за стола и вышел из кухни, не дослушав жену. Он быстро прошел по коридору до комнаты матери, бегло оглядев царивший в ней беспорядок, который устроили работавшие эксперты, и плотно закрыл дверь, словно пытаясь оградить жизненное пространство своей мамы и сохранить его в целостности и сохранности. Затем вернулся в кухню.

– В мамину комнату заходить не будем. Пусть остается все так, как было при ней, – Костя перехватил удивленный взгляд Ольги. – Приведем комнату в порядок позже. Не сейчас...

Немного помолчав, горько добавил:

– Ты можешь поехать к родителям. Уверен, что тебе будет там лучше. Я останусь здесь, дома. И не спорь. Мне надо побыть одному, подумать и понять, как я не разглядел проблему, которая мучила маму последнее время и которая потребовала такого неординарного решения. Жуткого решения, причиняющего нестерпимую боль, приносящего с собой невыносимый груз вины на плечи оставшихся...

Константин отвернулся от жены к окну. Постоял, пришел в себя и обычным голосом сказал:

– В общем, решено. Ты едешь к родителям. Я сейчас вызову тебе такси. А я останусь тут. И это не обсуждается!..

Глава 3

МОСКВА, 1984

– Опять вокруг твоего дела, Сережа, какие-то разговоры, а я ничего не знаю, – Александр Сергеевич Прохоров хмурил брови и пытался всеми силами изображать из себя грозного начальника. – Мне помощник доложил, что курилка гудит рассказами о твоём ехидно улыбающемся трупe. Что там за история? Рассказывай...

– Александр Сергеевич, я ещё вчера хотел доложить, но когда приехал в управление с происшествия, вас уже не было, а сегодня с утра, как савраска, мотаюсь: сначала помчался к экспертам, потом к Евстигнееву, а после его заключения надо было заскочить в поликлинику за медицинской картой потерпевшей. И все это для того, чтобы было, что вам докладывать, – Сергей Челикин вытаскивал из портфеля бумаги, всячески изображал подобострастие и поглядывал на Прохорова невинными глазами. – А история, действительно, не рядовая. Нет, с одной стороны, она, конечно, простая, как две копейки: поскользнулся, упал, очнулся – гипс! Дама балзаковского возраста понервничала дома утром, потом на работе днем, пришла домой, прилегла отдохнуть – сердечко и остановилось. Возможный вариант? Возможный!..

В это время дверь в кабинет Прохорова открылась, и на пороге появился Миша, помощник хозяина кабинета, с подносом, на котором стояли стаканы с чаем и плетенка с сухарями. Он поставил свою ношу на стол, ни слова не говоря, и вышел из кабинета, тихо притворив за собой дверь.

– Ух, ты, очень кстати, – Челикин схватил один стакан, отхлебнул и продолжил. – А с другой стороны, с какого рожна ухоженной женщине пятидесяти двух лет, которая, между прочим, выглядит на тридцать пять, вдруг ни с того, ни с сего умирать от сердечного приступа? Ее близкие говорят, что она ни на что не жаловалась, ничем не болела – и вот тебе здарсьте!

Сережа замолчал и сосредоточился на выборе сухаря – ему явно нужен был позажаристее. Найдя то, что ему надо было, быстро отправил сухарь в рот, и в кабинете раздался аппетитный хруст. Прохоров терпеливо ждал, а Челикин, выпив залпом остатки чая, продолжил:

– Перед тем, как перейти к фактам, добавлю ещё одну краску к нашему вчерашнему происшествию. То, что поведали мне криминалисты, которые работали в спальне. К ним вошел сын потерпевшей – я позволил ему подойти к матери – и знаете, что он сказал? Он сказал: «Мам, ну хорош дурака валять, поднимайся! Эти шутки твои уже достали!». На полном серьезе! Мужики наши даже припухли немного, но потом видят, что до него, до сына, ещё просто не дошло, что мать умерла, врача звать не стали. Судя по всему, потерпевшая большой затейницей была!

Сергей зашелестел бумагами, вытащил одну из них, пробежал глазами, удовлетворенно кивнул и деловито начал:

– По вскрытию. Смерть наступила от отравления гликозидами на фоне практически полного здоровья потерпевшей. Это я к тому, что необходимости принимать сердечные препараты для поддержания работы сердечно-сосудистой системы у нее не было. Станный способ ухода из жизни. Вы не находите, Александр Сергеевич?

Сережа Челикин с вопросом уставился на Прохорова и тот понял, что ему не отсидеться в слушателях:

– Давай начнем с начала, Сережа. Как зовут твою потерпевшую? Имя-то у нее есть?

– Конечно, есть, товарищ майор, – Челикин даже задохнулся от собственного упущения. – И не просто имя! Ни какая-нибудь там Фрося Бурлакова, а Капитолина Сергеевна Гриневская. Как вам?

– Да, звучит, – Прохоров сделал для себя пометку и, как из пулемета, выпалил следующие вопросы. – Она работала, если да, то где? Она замужем, если да, то за кем? Есть ли у нее еще дети, если да, то кто они и где? Это для заправки. Так что давай прямо по пунктам...

Сережа крикнул, потер переносицу, собрался в кучу и начал:

– Капитолина Сергеевна Гриневская, 1932 года рождения, работала в Пединституте имени Ленина на кафедре географии, кандидат экономических наук. С ее коллегами я еще не разговаривал, времени не было, но поговорю, естественно. Уже лет шесть, как вдова, была замужем за Николаем Васильевичем Гриневским – родная номенклатура. Он возглавлял один из Главков в Министерстве среднего машиностроения. С ним поговорить не получится...

Прохоров, который перебрался из-за своего стола поближе к Сергею, грозно погрозил шутнику кулаком и жестом показал: мол, продолжай.

– Теперь дети. У Капитолины Сергеевны их двое. Старшая дочь Елена замужем за дипломатом и уже более десяти лет живет с ним в Праге. В Союзе практически не бывает. Последний раз была здесь на похоронах отца. С родственниками – с матерью и братом – предпочитает видаться у себя дома. Им, по-моему, тоже нравится такой расклад. Во всяком случае, Капитолина Сергеевна бывает в Чехословакии каждый год, ее сын, Константин, реже, но тоже достаточно регулярно. С дочерью я, конечно, поговорю по телефону, но результат, скорее всего, будет нулевым.

– Ну вот! Уже кое-что, – Александр Сергеевич встал и прошелся по кабинету. – Ты сказал, что вскрытие делал наш великий и ужасный Петр Семенович, и он уверен, что смерть наступила в результате отравления гликозидами. Следовательно, он допускает, что это могло быть самоубийство?

– Да, Евстигнеев в заключении написал, что самоубийство – один из возможных вариантов, но результаты экспертиз других криминалистов, которые работали на вызове, этот вариант не подтверждают, – Челикин порылся в своих бумажках, вытащил еще одну из них и протянул Прохорову.

– Интересно, – старший следователь пробежал глазами документ и вернул его Сергею. – Вообще никаких отпечатков...

– Именно, именно, именно! – Челикин даже покивал для убедительности. – На посуде, которая стояла на прикроватной тумбочке и в которой, судя по заключению криминалистов, и была эта самая наперстянка, вообще – никаких – отпечатков...

– Да, занятно, – Прохоров наморщил лоб и даже потрепал себя за кончик носа. – А в принципе в комнате отпечатки были?

– Достаточно, но только трех мастей: самой потерпевшей, ее сына и невестки, – Сережа опять потянулся за сухарем. – Никаких посторонних отпечатков. Выводы, что называется, напрашиваются сами собой...

– Хорошо, давай подытожим, – Прохоров вернулся на свое рабочее место, чтобы делать заметки в блокноте: так он привык работать, систематизирую информацию на важную или неважную, нужную или ненужную. – Погибает женщина, которой по всем показателям погибать не следовало бы: она здорова, достаточно молода и благополучна. Значит, версию естественной смерти пока откладываем в сторону, потому что не похоже и не подтверждается. Самоубийство пока не прокатывает из-за отсутствия отпечатков потерпевшей на стакане. Более того, отсутствие вообще каких-либо отпечатков на тщательно протертой посуде прямым ходом и очень убедительно ведет нас к версии убийства. Давай займемся ею, не отбрасывая и остальные. Всегда помним великий принцип, приобретенный нами опытным путем: не все, что кажется, есть истина.

Сергей Челикин внимательно слушал, изредка кивая в знак своего полного согласия с тем, что говорит старший товарищ.

– Для проработки версии убийства у нас есть два крепких, я бы даже сказал солидных, подозреваемых, – Александр Прохоров сделал очередную пометку у себя в блокноте. – Это, собственно, сынуля потерпевшей и его супруга. Из ближнего круга, к счастью, вариантов не много. Предположить, что дочь из-за границы оплатила наемного убийцу, конечно, можно, но такая история кажется мне маловероятной. Так что давай активненько займемся этой парочкой. У них и мотивы, и возможности...

Сережа задумчиво кивнул и стал собирать свои бумаги в портфель. Потом приостановился и, обращаясь к Прохорову, сказал:

– Я вызову на завтра невестку потерпевшей – Ольгу Станиславовну Гриневскую. У меня с ней вчера интересный разговор начался, но прервался не вовремя. Судя по тому, что она успела мне сказать, женщины в семье Гриневского не очень любили друг друга. А женщин было достаточно:

Константин Николаевич при всей своей молодости был трижды женат. Ольга Гриневская знает историю его первой женитьбы, правда, не из первых рук, а от своей знакомой, некой Наташи Райс...

– Как ты сказал? Наташа Райс? – Александр Сергеевич встрепенулся и с вопросом уставился на Челикина. Тот недоуменно ответил на взгляд. – Помнишь два года назад, ты был еще участковым, у нас было дело «зодиакальных девочек»? Так вот Наташа эта и ее муж проходили у нас свидетелями. Ну, вспомни!..

– Точно! – Сергей довольно увесисто стукнул себя по лбу: мол, Семен Семенович. – Она же, Наташа Райс, была подругой потерпевшей в том деле, если я правильно помню. Точно, точно...

Челикин вдруг резко осекся под взглядом Прохорова и потупил глаза, потому что вспомнил рассказы коллег о том, что потерпевшая по тому делу, Нина, кажется, сначала стала женой Прохорова, а потом покончила с собой. В чем там было дело, никто толком не знал, но дочку Нины Александр Сергеевич, вроде, усыновил, то есть удочерил.

Чтобы замять неловкость, Сережа Челикин деловито спросил:

– Может быть, мне вызвать Наташу Райс для разговора и получить достоверную информацию от участника событий?

– Каких событий? К смерти Гриневской она не имеет никакого отношения. Ты можешь поговорить с ней о первой жене Константина, если Райс с ней знакома. Вызвать, безусловно, можешь, пусть расскажет, что знает, но к этому делу ее не приплетай – бесперспективно! Кстати, ты можешь вызвать и самую первую жену, так же, как и вторую. А вдруг где-то выстрелит...

– Слушаюсь, товарищ майор, – Сергей уже стоял навытяжку, готовый покинуть кабинет. – Буду держать вас в курсе дела. Разрешите идти?

– Иди. И докладывай регулярно, – Прохоров откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и отчетливо увидел Нину с ее кудряшками и веснушками. Сердце зашлось...

Глава 4

МОСКВА, 1984

– И давно вы здесь? – подходя к своему кабинету, Сергей Челикин увидел сидящую на банкетке Гриневскую, которая была капитально обложена тетрадами, журналами и какими-то клочками бумаги, в которых она быстро делала какие-то пометки. – Собирайте свое хозяйство и проходите. Я пока чайник включу. Чай будете?

И, не дождавшись ответа, Сережа вошел в довольно просторную комнату, которую он делил со своим коллегой и ровесником, Валерой Дей-но. В комнате было два стола, которые занимали следователи, и еще два, которые оба молодых человека использовали, как плацдармы для боевых действий в рамках проводимых ими дел. В настоящее время «плацдарм» Валеры активно использовался и был завален всякой всячиной – дело, которое вел сейчас капитан Дейно, было многослойным и муторным. Во всяком случае, Сережа не видел своего соседа уже недели полторы: тот где-то бегал, собирая улики и опрашивая свидетелей.

Бросив портфель на стол, Челикин направился к тумбочке, на которой стоял чайник, стаканы, тарелка с сушками, и вообще, располагалось все их немудреное, холостяцкое хозяйство. Вода в чайнике была горячей, а все чашки – чистыми, из чего Сережа сделал вывод, что Валерка убежал по своим делам только что, даже не успев выпить чаю. Уже засыпав в чашки заварку и разделив по-джентельменски три куска сахара – два даме, один себе – Челикин решил все-таки подогреть воду. Он долго тыкался проводом в разъем на чайнике – эта пара никак не хотела соединяться: искрила и шипела, но, в конце концов, чудо свершилось, и чайник урбно зашумел.

«Менять его надо, к чертовой матери», – в очередной раз подумал про чайник Сережа и с надеждой заглянул в тумбочку. Там все было по-старому, разносолов не наблюдалось, поэтому рачительный хозяин переложил лежащие на большой тарелке сушки в маленькую, полюбился сразу возникшим визуальным изобилием и залил приготовленные чашки кипятком.

Проделав все это, капитан Челикин обнаружил, что находится в кабинете один. Выглянув в коридор, он увидел Гриневскую, сидящую на том же месте, яростно грызущую ручку и пытающуюся рассмотреть на противоположной стене что-то, только ей видимое и только ей понятное.

– Ольга Станиславовна, ау! – Сережа хотел позвать женщину негромко, деликатно, но не получилось – Ляля подпрыгнула, чуть не проглотила ручку и растеряла все бумажки, лежащие на коленях. – Не стесняйтесь, заходите. Поговорим.

Гриневская кое-как запихнула свои записи в портфель, закрыла его на весу и вошла в кабинет следователя.

– Сергей Николаевич, мы, скорее всего, не сможем поговорить, потому что я вынуждена сейчас от вас уйти. Дело в том, что я пишу диссертацию, – Ольга посмотрела на портфель, на часы и виновато вздохнула. – Мне утром позвонили с кафедры и сказали, что сегодня в четырнадцать ноль-ноль состоится заседание ученого совета, на котором будут обсуждать и мою, в том числе, диссертацию. Результатом этого заседания может стать решение о выходе меня на защиту. Или о не выходе. Надеюсь, что вы понимаете, насколько это для меня важно. Я обязательно должна быть в два на кафедре! Но с другой стороны, к вам я тоже не могла не зайти, ведь мы договаривались.

Гриневская говорила быстро, как если бы хотела уложить, как можно больше слов в единицу времени. Она даже не присела, и Челикин тоже вынужден был стоять, воспринимая информацию практически на ходу.

– Знаете, я думала о случившемся и так, и сяк, и вот что надумала, – Ольга присела на краешек стола. – Естественную смерть Капитолины Сергеевны я отмечаю – она была здорова, как... здорова и всё. Суицид – тем паче! С ее характером это невозможно по определению. Если только она не захлебнулась собственным ядом. Остается убийство. Уверена, что Капа в течение своей жизни приобрела значительное число желающих треснуть ее по башке, но я их не знаю. В ближайшем окружении вижу только три кандидатуры, которые подходят на роль душегубов. Это три жены Костика, они же три невестки Капитолины Сергеевны. Про первую жену, Зою, я ничего не знаю, о ней можно справиться у Наташи Райс. Я вам о ней говорила. Там была какая-то история, вряд ли вам о ней расскажет сама Зоя. Таня Гриневская, Татьяна Леонидовна, о своих отношениях со свекровью живописует сама. Вызывайте и задавайте вопросы, тем более что она – ваша коллега. Ну, и третья кандидатура – это я, ваша покорная слуга. Приду к вам завтра или когда вызовете и расскажу все, что знаю.

Ольга замолчала, порылась в своем портфеле, вытащила оттуда листок и протянула его следователю.

– Здесь телефоны и адреса Наташи и Татьяны. Уверена, что они согласятся встретиться с вами и ответить на все вопросы. А сейчас с вашего позволения я побегу. Еще пара минут задержки, и я опоздаю на собственное вскрытие.

Ольга Станиславовна подхватила портфель, тряхнула рыжими кудрями и растворилась в табачном воздухе коридора, не дав возможности Сереже Челикину сказать что-то остроумное, вроде «а вас, Штирлиц, я попрошу остаться», и хитро сверкнуть глазом.

Закрыв дверь кабинета, подхватив чашку с почти остывшем чаем и устроившись за своим рабочим столом, Сергей подумал немного и решительно поднял телефонную трубку.

– Миша, соедини меня, пожалуйста, с Александром Сергеевичем, – произнес он, когда на другом конце провода откликнулись. – Да, я подожду... Александр Сергеевич, мне нужна ваша помощь. Дело в том, что в деле Гриневской уже несколько раз возникло имя Татьяны Леонидовны Гриневской, второй невестки Капитолины Сергеевны, и которая по непроверенным данным работает где-то в нашей системе. Я хочу сделать запрос в кадровое управление от вашего имени для ускорения процесса. Вы не возражаете?... Тогда я подготовлю бумагу и занесу вам на подпись... Хорошо, через десять минут я у вас!

Включив режим «турбо», Сергей заметался по кабинету, вытащил из шкафа старенькую «Оптиму», вставил в нее чистый лист бумаги и двумя указательными пальцами начал довольно ловко и быстро печатать незамысловатый текст запроса – «Прошу предоставить мне информацию о ...». Поставив точку и полюбовавшись на проделанную работу, Сережа с треском вытащил лист из каретки и помчался в сторону кабинета Прохорова. Прохоров был на месте и бумагу подписал, погрозив Челикину кулаком на всякий случай и на удачу.

Сергей сам помчался в кадровое управление, заглянув по дороге в буфет за шоколадкой, надеясь, что в царстве женщин будет, кому ее пристроить. И он не ошибся. Заместителем начальника Управления кадров полковника Рябова была женщина из вольнонаемных, того неопределенного возраста, когда Сережа Челикин мог быть для нее и любимым кавалером, и любимым сыночком.

Включив все свое обаяние и присовокупив к нему кондитерское изделие фабрики «Красный Октябрь», Сергей получил на руки папку с личным делом Гриневской Татьяны Леонидовны (в девичестве Мироновой), майора МВД, 1952 года рождения, незамужней.

Развязав тесемки и открыв стандартную конторскую папку, следователь увидел фотографию сказочно красивой женщины, чья биография уместилась на одной странице листа. В папке было еще с десятков листочков, но Сережу они мало интересовали и он пропускал приказы о поощрениях и наградах, чуть-чуть задерживался на страницах выговоров и порицаний. Объектом его интереса была не история продвижения майора Гриневской по служебной лестнице. Он хотел узнать сугубо личную информацию об этой женщине, а вот ее-то как раз и не было.

В конечном итоге Сережа сумел выяснить домашний адрес Татьяны Леонидовны, домашний и рабочий телефоны и тот факт, что замужем за Гриневским она была всего два года – с семьдесят шестого по семьдесят восьмой.

«Не густо!», – подумал про себя Челикин, возвращая папку с личным делом кадровичке неопределенного возраста. Улыбаясь ей во все свои тридцать два зуба, Сергей поинтересовался:

– Подскажите, пожалуйста, а отдел, который возглавляет майор Гриневская, находится на нашей территории? Хочу понять, мне надо будет куда-то ехать или достаточно подпрыгнуть с этажа на этаж?

– Отдел Гриневской, в силу его специфики, находится на отдельной территории и, чтобы попасть туда, надо заказывать специальный пропуск. Вашего удостоверения, молодой человек, будет недостаточно, – заместитель начальника Управления по кадрам подняла на Сережу усталые глаза и, улыбнувшись, добавила. – С Татьяной Леонидовной вообще лучше разговаривать по телефону: ее красота повергает мужчин в ступор, а женщины довольно продолжительное время страдают от комплекса неполноценности. Это я вам на собственном опыте говорю. Даже начальник Управления старается не вызывать к себе Гриневскую лишней раз. Я вас, конечно, не пугаю, но лучше общайтесь с ней по телефону. Всего доброго и удачи!

Когда Сережа вернулся в кабинет, он обнаружил там следы мимолетного пребывания своего соседа, Валеры Дейно. На его столе стояла чашка с недопитым чаем, а на «плацдарме» появился еще один пакет неопределенных очертаний. «Скоро я забуду, как он выглядит», – задумчиво подумал Челикин, наливая себе воды из еще горячего чайника и пытаясь понять, как ему поступить с Гриневской – позвонить или все-таки поехать?

Сергей потянулся к телефону и набрал номер Прохорова:

– Миш, Александр Сергеевич вернулся? Нет? Жаль!.. Слушай, а может быть ты мне поможешь? Мне нужен пропуск на территорию отдела Гриневской. Сможешь заказать?.. Сколько? Не меньше недели? Что за фигня!? Они там что, делают патроны? Давай так: ты мне пропуск закажи, а воспользуюсь я им или нет, будет видно. Хорошо?.. Договорились!

Сережа потер переносицу и стал набирать другой номер. На другом конце провода трубку взяли практически сразу.

– Гриневская, слушаю.

– Татьяна Леонидовна, добрый день. Вас беспокоит старший лейтенант Челикин, Сергей Владимирович. Я веду дело о смерти Капитолины Сергеевны Гриневской, вашей бывшей свекрови. В связи с этим у меня к вам есть несколько вопросов, – выпалил на одном дыхании старший лейтенант Челикин.

В трубке что-то хрюкнуло, всхлипнуло, зашуршало, и было непонятно – это плач, это смех, это стон? Сергей подождал немного и вкрадчиво спросил:

– Татьяна Леонидовна, у вас все в порядке? Вы сможете сейчас со мной поговорить или отложим разговор на завтра?

– Спрашивайте, – раздалось в трубке. – Я не хочу откладывать этот разговор в долгий ящик.

– Что вы можете сказать о своей свекрови и когда вы видели ее в последний раз? – следователь положил перед собой блокнот, в котором делал пометки – так его научил Прохоров.

– Я видела Капитолину Сергеевну последний раз в день своего развода с ее сыном: она встретила нас в дверях ЗАГСа с букетом цветов, который, счастливая, вручила сыну, – Татьяна Гриневская шмыгнула носом. – Больше я ее, слава тебе Господи, не видела никогда. Что касается характера Капитолины Сергеевны, то она – дама приятная во всех отношениях, только слово приятная надо взять в двойные или тройные кавычки. Я кое-что о ней узнала, когда жизнь заставила, и поняла, что она относится к категории людей, про которых говорят, что они

стену лбом прошибут при необходимости, конечно. Господи, неужели ее больше нет? Какое счастье!..

Из воспоминаний

Новозыбков, 1950

Капитолина Сергеевна Гриневская, урожденная Рябошапка, была женщиной строгих правил, причем правила эти придумала она сама, руководствуясь только ей ведомыми критериями: что можно, а что нельзя, что должно, а что нет, как надо, а как не надо поступать в этой жизни.

Девочка Капа, Капитолина родилась в глухой деревеньке на границе России и Украины в семье сельского сапожника, который будучи местной интеллигенцией и человеком, связанным, как-никак, с миром моды, назвал своих трех дочерей красивыми, заграничными именами – Диана, Роза и Капитолина, чем сразу и навсегда усложнил своим детям жизнь: с такими именами в деревне было настолько непросто, что девчонки придумали себе «на каждый день» более подходящие, а эти, парадные, оставили для паспортов.

Попав в школу, Капа поняла, что образование – это единственный способ вырваться из деревни.

И она взялась за учебу, и взялась так круто, что к окончанию школы попала в тройку лучших учеников, которым предоставили возможность поступить в высшее учебное заведение на выбор без экзаменов. Это был подарок судьбы!

Естественно, Капа выбрала педагогический – других профессий она, по сути, не знала – и переехала в ближайший городок, где было высшее учебное заведение. Жила девушка в общежитии института вместе с тремя сокурсницами, жила тихо и скромно, все время посвящая учебе. Скорее всего, после окончания института Капитолина отправилась бы в свою или любую другую деревню и учительствовала там до конца дней, но судьба распорядилась по-своему. Его величество случай круто изменил жизнь провинциалки...

... – Гриш, ну и что прикажешь делать? Наличие жены, практически одно из основных условий, – Коля Гриневский метался по своему кабинету, как отприкошетивший снаряд. – Если я к концу месяца не предъявлю руководству либо невесту, либо жену, то место главного инженера оборонного завода уйдет от меня, к бабке не ходи! И такой удачи у меня больше не будет!

– Подожди паниковать! То же мне, проблема! – Гриша Вайсман, заместитель начальника цеха, то бишь Коли Гриневского, был абсолютно спокоен. – Найдем мы тебе жену. Не волнуйся!

– Где? Где найдем? На улице? – Коля остановился перед сидящим Гришей, всем своим видом изображая вопрос.

– Ну, зачем так радикально! Есть другие способы, и я тебе их предоставлю, поскольку я – лицо заинтересованное! Мне надо выжить тебя из этого кресла. Оно мне очень подходит, – Гриша заржал и демонстративно развалился в кресле начальника цеха.

– Гриш, ну, хватит издеваться. Давай по делу, если у тебя есть, что предложить, – Гриневский заинтересованно посмотрел на своего зама.

– Хорошо, давай серьезно. Любовь мы отмечаем сразу? – Гриша на всякий случай посмотрел на Николая, тот только глаза закатил. – Значит подходим к вопросу прагматически. Нам нужна приличная девушка? Приличная! Образованная? Образованная! Покладистая? Покладистая! Следовательно, нам прямая дорога в общежитие пединститута!

Коля резко затормозил и повернулся к другу:

– И что? Припёрлись мы в общежитие, и дальше что?

– А дальше – судьба! Вытягиваешь, как в лото, номер комнаты, идешь туда, знакомишься с девушкой и рассказываешь всё, как на духу... Если дура, то выгонит тебя, если

умная – согласится и пойдет за тобой на край света. Вот как-то так! – Гриша-стратег был очень доволен собой и разработанным планом. – Кстати, даю тебе три попытки, ведь девушка может не понравиться тебе. Я ж не зверь какой – выбери себе хорошенькую!

– Бред, бред, бред! – Николай даже застонал.

– Послушай, Коля, женитьба – это не пожизненное заключение. Что-то пойдет не так, разведешься, но уже после того, как обоснуешься на новом месте, в новой должности. В конце концов, браки по расчету никто не отменял, – Гриша вопросительно посмотрел на Николая и понял, что убедил...

... Когда в дверь деликатно постучали, Капитолина была в комнате одна: спровадив соседок в кино, она планировала в тишине подготовиться к зачету. Помеха в виде неожиданного гостя была ей совершенно ни к чему.

– Ну, кто там еще? – Капа пошла к двери, в раздражении рванула ее на себя и оказалась нос к носу с солидным, хотя и молодым, мужчиной. – Ой, здравствуйте!

Девушка попятилась, давая дорогу молодому человеку, который вошел со словами:

– Добрый день! Меня зовут Николай Гриневский, и я хотел бы с вами поговорить.

Капа совершенно обмякла и от вида незнакомца, и от его манеры говорить, и от непривычного для нее обращения на «вы».

– Да, конечно, – пролепетала она. – Чай будете? У меня чайник еще горячий...

– С удовольствием, – улыбнулся Николай. – А как мне к вам обращаться?

Увидев недоуменный взгляд, видоизменил вопрос:

– Как вас зовут?

– Капитолина Рябошапка, – смущенно ответила девушка.

– Просто отлично! Вот вы-то мне и нужны, – Николай только что руки не потирал. – У меня к вам дело...

... Через два часа дело было сделано: молодые люди обо всем договорились. Николай был не просто доволен, он был уверен, что ему повезло, потому что девушка была умненькая, сообразительная и премиленькая. Что касается Капы, то она с первых минут разговора поняла, какой ей выпал шанс, какие преимущества сулит ей это замужество, и уже примеряла свой оттопыренный мизинчик к будущей сладкой жизни. В том, что жизнь будет сладкой, она не сомневалась ни одной секунды. Более того, Капа была твердо убеждена, что благополучие семьи, созданной таким необычным способом, будет зависеть только от нее. А уж она-то не оплошает!

Через две недели состоялась скромная свадьба. Вернее, не свадьба, а регистрация брака, на которой присутствовали Гриша Вайсман и соседка Капы по общежитию в качестве свидетелей. После ЗАГСа молодожены и их гости пришли на квартиру Николая, поужинали, чем бог послал, и разошлись, кто куда. Вернее, разошлись только свидетели, а молодые остались...

Пытаясь замаять некоторую неловкость, которая возникла после ухода гостей, Капа начала убирать со стола, наводить порядок в «зале», мыть посуду и заодно изучала дом, в котором ей предстояло жить. Квартира из трех комнат, которая полагалась начальнику цеха крупного завода, заставила девушку всерьез задуматься о том, какие блага будет иметь главный инженер предприятия всесоюзного значения. Мысли, одна роскошнее другой, метались в ее голове, не давая сосредоточиться на главном и, как ей казалось, очень страшном...

В кухню вошел Николай, присел к столу, понаблюдав за тем, как старательно Капитолина моет посуду, и, воспользовавшись паузой в процессе, попросил:

– Присядь, пожалуйста, я хочу тебе кое-что сказать.

Девушка вытерла руки, присела на краешек табуретки и подняла на Николая испуганные глаза.

– Ты, наверное, знаешь, что между мужем и женой существуют особые, близкие отношения, – молодой человек заметно волновался и тщательно подбирая слова. – Как правило, к ним приходят после довольно долгого общения. Наша с тобой ситуация не совсем обычная: нам надо пройти долгий путь за короткий срок, поэтому для начала нам надо привыкнуть друг к другу. Предлагаю следующий вариант: пока мы здесь, то ты спишь в спальне, а я в кабинете, но как только мы переезжаем на новое место работы, мы живем, как супруги, то есть спим в одной постели. Если кто-то узнает о нашем уговоре и меня заподозрит во лжи... Я даже представить себе не могу, чем это может закончиться!

Николай вскочил, пробежался по кухне и остановился перед Капой:

– Или ты с этим соглашаешься, или мы разводимся, и я начинаю искать жену снова. Что скажешь?

Девчонка не была душой, и все для себя уже решила, поэтому, потупив глазки, ответила:

– Я не знаю, Коля, что и как будет дальше, но сейчас скажу только одно – быть Капитолиной Сергеевной Гриневской мне нравится гораздо больше, чем Капитолиной Сергеевной Рябошапкой!

Николай внимательно посмотрел на девушку и рассмеялся:

– Как же мне повезло!..

Так началось стремительное восхождение Капы Рябошапки «из грязи в князи»..

Глава 5

МОСКВА, 1984

«Дааа, высокие отношения, ничего не скажешь», – подумалось Сергею, когда он, закончив разговор с Гриневской, положил трубку. Было совершенно очевидно, что Татьяна Леонидовна, при всей ее «любви» к свекрови, что само по себе могло быть изумительным мотивом, не имеет к смерти Капитолины Сергеевны никакого отношения. И, следовательно, одну из названных кандидатур в злодейки можно исключить.

Информацию о первой жене Константина Гриневского следователь хотел получить от рекомендованной ему Наташи Райс, которую он вызвал сегодня на девятнадцать ноль-ноль. По словам Прохорова она реально может помочь, потому что довольно наблюдательна и даже несколько педантична. Во всяком случае, в деле «зодиакальных девочек» ее наблюдения и выводы оказались очень полезны.

До встречи с источником информации оставалось еще пара часов, и Челикин помчался по управлению, решать другие задачи, которые как-то незаметно перешли на второй план. Надо было еще обязательно заскочить в курилку – аккумулятор самых свежих новостей – и послушать, что говорят о его деле коллеги, которые не имеют к нему никакого отношения и потому могут позволить себе субъективные фантазии. Они бывают, порой, на редкость реалистичны.

Влетев в кабинет за две минуты до семи, Сережа обнаружил там Валеру, который откровенно спал, свернувшись в кресле такой замысловатой буквой «зю», что распутать его в сонном виде было совершенно невозможно. Надо было срочно будить, тем более что вот-вот должен был появиться посетитель, вернее, посетительница. Сергей направил все свои усилия на выполнение этой задачи, но ничего не помогало, даже безотказное «Рота, подъем!!!». Плюнув, Челикин решил развернуть Валеркино кресло лицом к стенке, а самого Валерку прикрыть кителем от парадной формы, которая всегда висела у них в шкафу на всякий случай.

Как только он закончил все эти манипуляции, в дверь постучали, и на пороге появилась молодая женщина, в которой Сережа сразу узнал Наташу Райс, которую видел всего один раз, два года назад.

– Добрый вечер! Я – Наташа Райс. У меня повестка к Челикину Сергею Николаевичу. Это вы? – девушка посмотрела на следователя сначала просто, а потом все внимательнее и внимательнее. – А я вас помню. Вы были участковым в том районе, где жила Нина Арбецкая. Я права?

– Добрый вечер! Да, вы правы, это именно я, – Сергей смущенно потупил взор и разве что большим пальцем ноги не поковырял воображаемый песок.

– Вы делаете неплохую карьеру, – улыбнулась Наташа. – Вы меня вызвали, потому что в деле Жени Арбецкого появились какие-то новости?

– Нет, я вас вызвал совершенно по другому поводу, – Сергей настроился на деловой лад. – Я сейчас веду одно дело, к которому вы, скорее всего, не имеете никакого отношения, но спросить я вас обязан, поскольку в ходе расследования возникло ваше имя.

– Вы меня заинтриговали, Сергей Николаевич, – Наташа взглядом спросила разрешения сесть, на что Челикин треснул себя по лбу и подвинул девушке стул. – Задавайте ваши вопросы. Если я знаю на них ответы, вы их получите.

– Знаете ли вы Капитолину Сергеевну Гриневскую? Если знаете, то в какой связи? – следователь сел за стол, поближе к своему неизменному блокноту.

– Капитолину Сергеевну? – Наташа удивленно вскинула брови и уставилась на Челикина. – Неожиданно!...

Сережа в ответ на ее удивление изобразил на физиономии ответ: мол, да, вот так, чего только в жизни не бывает. Наташа его ответ приняла, сосредоточилась и начала говорить:

– Да, я знаю эту женщину. Правда, наше знакомство скорее заочное, чем очное. Дело в том, что я видела Капитолину Сергеевну один-единственный раз – на свадьбе моей подруги. Зоя, моя подруга, выходила замуж за ее сына, сына Капитолины Сергеевны. Когда мы познакомились с Зоей, а это было десять лет назад, ей еще не было восемнадцати, а она уже жила полноценной семейной жизнью с Костиком Гриневским. Господи, да там целая история...

– А я никуда не тороплюсь и буду рад послушать, – Сергей устроился поудобнее и приготовился слушать. Наташа посмотрела на него сочувственно:

– Ну, что ж... Тогда начинать надо с нашего с Зоей знакомства и ее знакомства с Кости-ком...

Из воспоминаний

Москва, 1974. Наташа, Зоя, Костя

– Девушка, поаккуратнее, пожалуйста, вы мне все колготки порвете! – Наташа подняла глаза от книги, которую планировала с удовольствием читать вплоть до своей остановки, поскольку все сложилось очень удачно: в метро было тепло и немногочленно, в конце вагона нашлось удобное местечко и свет до последнего момента никто не заслонял. И вот тебе – здрасьте!

Попытка обезопасить совершенно незащищенные колготы от торчащих из авоськи молочных пакетов не удалась, и Наташа обратилась к их хозяйке в надежде на понимание:

– А нельзя ли поставить вашу сумку на пол?

– Нельзя! – огрызнулись сверху. Голос показался Наташе знакомым, и она попыталась рассмотреть стоящую над ней женщину, хотя свет потолочной лампы не давал ей это сделать.

– Зоя, это вы? – неуверенно проговорила Наташа и на всякий случай добавила. – Извините, если я ошиблась...

– Ну, я – Зоя, – довольно непристливо произнесла девушка, потом присмотрелась к Наташе и совсем другим тоном продолжила. – Ой, а я вас знаю! Мы ведь работаем вместе. Вас Наташей зовут. Правильно?

– Правильно. А вы всегда такая... груженная? – Наташа попыталась еще раз, но уже деликатно обезопасить свои колготки, прикрывшись книгой. – Большая семья? Муж, дети?

– Что вы, какие дети – мне еще нет восемнадцати, – томно проговорила Зоя, а Наташа вытаращила глаза: девушка выглядела значительно старше. – А муж есть. Мы живем с ним уже почти два года. Правда, неофициально, потому что из-за моего возраста нас не регистрировали. Но какое это имеет значение, если у нас любовь!

– Если любовь, то, конечно, – пролепетала Наташа, ошарашенная полученной информацией и такой откровенностью со стороны малознамого человека. – Но вы ведь планируете пожениться?

– Само собой. В конце месяца мне исполняется восемнадцать, а через две недели после дня рождения у нас свадьба, – гордо проговорила Зоя, а потом зашептала. – Моя будущая свекровь договорилась, чтобы нас поставили в очередь заранее. Она тоже очень ждет эту свадьбу, сама говорила. Ой, это же моя остановка! Чуть не проехала! Пока, до завтра!

И Зоя выскочила из вагона, напоследок еще раз шарахнув своей авоськой многострадальную Наташину коленку, предусмотрительно прикрытую так и нераскрытой книгой.

– Даааа, интересенько, – протянула Наташа и только успела махнуть рукой вслед убегающей девушке.

После этого случая девушки часто проделывали путь домой вместе. Обычно Зоя дожидалась Наташу на платформе в метро, и если ту ничего не задерживало на работе, то бли-

жайшие двадцать минут были наполнены рассказами о самой Зойке, ее семье и, конечно, о ее великой любви – Косте Гриневском...

... Зоя Голосова родилась в небольшой подмосковной деревеньке в семье самой обычной, где и мама, и папа работали, причем работали в Москве, что по тем временам требовало определенного мужества: три километра пешком до станции, затем два часа в электричке, ну и по Москве, кому как повезет – кому час, кому два. Старшая сестра Зои, Зинаида, была уже замужем и вместе с мужем Николаем жила в Москве, где они до поры до времени снимали квартиру. Они могли себе это позволить, потому что оба – и Зина, и Коля – были строителями, но не теми, которые складывают дома из кирпичей или панелей, а теми, кто делают ремонт в уже готовой квартире. Желаящих поменять убогие обои, которые прикрывали стены в рамках всеобщего государственного строительства, на шикарные, «ишляпинские», было хоть пруд пруди, так что семейство Скоробеевых не бедствовало. К ним-то и переехала Зоя, как только закончила десять классов сельской школы, в надежде найти непьющую работу и будущего мужа.

И все сложилось, как в сказке. Вопрос с работой решился сам собой, поскольку Зина, будучи особой бойкой, замолвила словечко за сестру хозяйну квартиры, в которой они с Колей делали ремонт. Хозяин оказался ни много, ни мало, директором научно-исследовательского института, расположенного в центре Москвы: его секретарше, многоопытной Калерии Ивановне, позарез нужна была помощница для перекладывания бумажек с места на место.

Что касается будущего мужа, то и здесь подфартило. Эпохальная встреча произошла в электричке. Зоя, груженная домашними соленьями-вареньями, ехала от родителей, у которых провела все выходные. Там же, груженный такими же домашними соленьями-вареньями, ехал Костик Гриневский, который должен был доставить их из дачного погреба прямо на кухню любимой мамы. Настроение у обоих было не ахти из-за сложности и в буквальном смысле тяжести задачи: достаточно было небольшой искры, чтобы возникла непринужденная, «дружеская беседа». И она возникла.

– Ноги убрал, придурик! – грозно и вполне в духе вагонных перепалок произнесла Зоя, которая, только пробравшись к свободному месту у окна, поняла, почему оно не было занято: ноги сидящего напротив парня уютно устроились под незанятым сиденьем. – Оглох что ли?

Молодой человек, который сидел, повесив голову на грудь, никак не отреагировал на обращенные к нему слова, Зойка мысленно уперла кулаки в бока, а сидящая вокруг публика затаила дыхание в надежде на вполне возможное развлечение.

– Слушай, ты, вагонное чучело, ноги убрал, говорю! – Зоя для убедительности ткнула парня в плечо. Тот поднял голову, открыл глаза, и девушка поняла, что пропала.

Молодой человек сфокусировал взгляд небесноглубоких глаз на грозной амазонке, автоматически подтянул под себя ноги и пробормотал:

– Извините! Задремал и расслабился. Давайте я вам помогу...

Парень протянул руки к Зойкиным котомкам, которые она тащила перед собой.

– Сейчас я и сама могу, – пыхтя от натуги, проговорила Зоя и плюхнула свою торбу на место предусмотрительно убранных ног. – А вот дотащить всю эту тяжесть до метро поможешь обязательно!

Девушка уселась на свободное место у окна и, прикрыв глаза, стала изучать сидящего напротив юношу. А изучать было что: темноволосый, голубоглазый парень был хорош той «неоперившейся» красотой, которая со всей очевидностью должна была превратиться в дальнейшем в зрелую красоту взрослого мужчины. Приняв решение, Зоя огляделась по сторонам: разочарованная вагонная публика, не дождавшись скандала, вернулась к своим делам. На сидевшую у окна парочку никто не обращал внимания.

– Тебя как зовут, малахольный? – переишла в наступление девушка. – Как тебя занесло на эти галеры?

Парень улыбнулся – у Зойки перехватило дыхание – и, слегка наклонившись в сторону собеседницы, ответил:

– Меня зовут Костя, Константин Гриневский. По маминей просьбе ездил на дачу за кое-какими летними заготовками и опоздал на предыдущую электричку. Вот теперь здесь маюсь, со всеми остановками. Но я уже не жалею!..

Молодой человек настолько откровенно восхищенно посмотрел на свою визави, что Зоя зарделась, как маков цвет, что не было ей свойственно в принципе.

– А могу ли я узнать, как зовут мою невольную спутницу? – вкрадчиво спросил Костя, Константин Гриневский.

– Меня зовут Зоя Голосова, – смущенно ответила девушка. – Я еду от родителей, они живут здесь, в Подмоскovie. Нагрузили меня банками, думают, что мы без них голодаем.

– А мы – это кто? – поинтересовался на всякий случай Костя.

– Мы – это моя сестра с мужем и я. Обычно мы все вместе ездим к родителям, но в этот раз ребята не смогли – у них срочная работа образовалась. Придется мне самой эту тяжесть тащить до дома, – Зойка сокрушалась совершенно искренне.

– Ну, этого я вам не позволю! – горячо возразил Володя. – Вам в какую сторону ехать?

– До «Профсоюзной».

– Слушайте, но это же просто судьба: я живу на «Новых Черемушках», так что я не просто дотащу ваши кошелки до метро, я донесу их до вашей двери. Не возражаете? – Константин вопросительно посмотрел на девушку. Зоя не возражала.

Вот так, слово за слово, молодые люди, преодолев вокзальную суету и толкотню метро, дошли до дверей квартиры, где жила Зоя. Поставив тяжеленную сумку на придверный коврик, Костя незаметно для спутницы с облегчением вздохнул – ноша реально была неподъемная – и начал прощаться.

– А может быть зайдешь? Чаю выпьем, отдохнешь? – с надеждой спросила Зоя, которой ох как не хотелось так быстро расставаться с привлекательным мальчиком.

– К сожалению, это невозможно, – Костя растирал затекившие пальцы. – Я очень хочу, чтобы у моей мамы сложилось положительное впечатление о девушке, с которой я сегодня познакомился и с которой планирую встречаться.

– А при чем здесь... это? – рука Зои замерла на пути к кнопке звонка.

– При том, что я не предупредил маму, что задержусь. Она совершенно точно будет относиться с предубеждением к девушке, из-за которой мне пришлось нарушить слово. А мне бы хотелось, чтобы вы понравились друг другу, – вид у Кости был решительный.

Зоя ошалело помолчала, оценивая ситуацию, прикинула мгновенно все плюсы и минусы и нарочито огорченно произнесла:

– Тогда иди, конечно. Маму расстраивать не надо. Мы ведь увидимся еще? Правда, Костя?

– Непременно! Я позвоню тебе сегодня, и договоримся о следующей встрече. Хорошо? Ну, я побежал...

Зоя задумчиво посмотрела вслед молодому человеку, за которого, как она сейчас поняла, ей предстояло бороться. То, что предстоит борьба, ей было совершенно очевидно. Так же как и то, кто будет победителем в этой борьбе. Действительно, через три недели Зоя победоносно вошла в квартиру на «Новых Черемушках», как любимая женищина и гражданская жена Костики. Под настороженным взглядом мамы мальчика, Капитолины Сергеевны Гриневской...

– ... Надо сказать, что в досвадебный период Зойка говорила о своей будущей свекрови исключительно в превосходной форме: Капитолина Сергеевна то, Капитолина Сергеевна это. Все красиво и удивительно. Я, честно говоря, не разделяла Зоиных восторгов. Мне казалось,

что все, что делает эта женщина немного чересчур. Я даже однажды высказалась на эту тему, но получила такой отпор, что зареклась и больше никогда поднимала этот вопрос. Жизнь показала, что я была права, не доверяя госпоже Гриневской.

Но это было потом. Правда, был еще один человек, который относился к Капитолине Сергеевне с еще большим недоверием. Это мама Зои – Тамара Ильинична. Здесь, как говорится, нашла коса на камень...

Из воспоминаний

Москва, 1974. Капитолина Сергеевна и Тамара Ильинична

– Иду, иду!.. Не волнуйся, Заинька, я открою! – раздалось за дверью, затем послышался звук открываемого замка, дверь распахнулась, и взгляды двух женщин скрестились, не предвещающая ничего хорошего.

– Проходите, пожалуйста, мы вам очень рады! Я – Капитолина Сергеевна, мама Костика, Николай Васильевич, его папа, к сожалению, в командировке, а вы, как я понимаю, – Тамара Ильинична и Константин Викторович, родители нашей Зайки? – Капитолина Сергеевна говорила быстро и чрезвычайно приветливо, чтобы скрыть, с одной стороны, разочарование от очевидной провинциальности новых родственников, а с другой – свою искрящуюся радость от победы над врагом, другой женщиной, чей внешний вид не шел в никакое сравнение с ее собственным.

Действительно, Капитолина Сергеевна сегодня превзошла самое себя: утренний поход к косметологу уменьшил ее возраст лет на десять, нарочитая небрежность прически была ей очень к лицу и стоила парикмахеру пару лишних седых волос и, наконец, брючный костюм бледно-голубого цвета, привезенный мужем из Франции и в который она была одета, заслуживал отдельного разговора. В ушах и на пальце сверкали, пусть не очень большие, но бриллианты. Короче говоря, Капитолина Сергеевна была во всеоружии.

– Дети сейчас выйдут, они перышки чистят! – смеясь, проговорила хозяйка дома. – Проходите в гостиную, хотя, может быть, вы сначала помоеете руки с дороги?

– Сначала мы разгрузимся, – Тамара Ильинична сбросила обувь, привычно подхватила одну из сумок, остальные, следуя безмолвному приказу жены, поднял Константин Викторович. – Куда идти прикажете?

– Давайте с сумками на кухню, – приветливо, насколько могла, произнесла Капитолина Сергеевна, показывая дорогу новоявленным родственникам.

Через некоторое время вся кухня Гриневских была заставлена банками с соленьями и вареньями, завалена пакетами с мясом и другим, неопределяемым на взгляд, содержимым. Над всем этим фермерским великолепием возвышались пятилитровый бидон с медом, такой же со сметаной и огромная бутылка с мутной жидкостью, по всем признакам, рукотворным спиртным напитком. Капитолина Сергеевна смотрела на эти доморощенные изыски с ужасом, прикидывая, где она будет хранить эту тонну продуктов: ну, банки еще туда-сюда, а пять литров сметаны? «Буду сметану раздавать соседям, а самогонку отдам Игорю Сергеевичу. Он большой любитель подобной экзотики», – думала про себя Капа, не забывая одобрительно улыбаться родителям Зои.

– Вот теперь можно и руки помыть, и по рюмке выпить, – Тамара Ильинична улыбнулась, сверкнув золотым зубом.

– Мамка моя, мамка приехала! – в кухню влетела Зоя и повисла на шее у матери. У Константина Викторовича повлажнели глаза, он нежно погладил дочь по руке.

«Он, по-моему, еще не произнес ни одного слова, – подумала про Зоиногo отца Капитолина Сергеевна. – Сразу видно, кто в доме хозяин».

– А где зятек мой? – поинтересовалась Тамара Ильинична. – Прячете?

– Ну, что вы... Я здесь, – в проеме кухонной двери стоял Костик. – Просто с вашими подарками в кухню теперь не войти! Может быть, перейдем в гостиную?

– Конечно. Сейчас мы с отцом руки помоем, и в залу. Выпьем, закусим и поговорим. Нам ведь есть, о чем поговорить? – с нажимом произнесла Тамара, обращаясь к присутствующим. Все промолчали. – Вот и хорошо! Веди, дочка, в ванную...

... Часа через полтора, когда все уже немного разомлели и расслабились, началась вторая часть марлезонского балета. Капитолина Сергеевна, которая по настоянию будущих родственников пила исключительно водку, чувствовала себя не совсем в своей тарелке и потому момент «наступления противника» пропустила.

– Ну, вот что, сватья, – Тамара Ильинична посмотрела на пьяненькую Капу, как удав на кролика, усмехнулась слабости московской родни (сама она была, как огурец!) и отчужденно произнесла. – Свадьбу сыграем в первой половине декабря. Через два месяца у Зойки день рождения, восемнадцать лет, как-никак, отметим скромно, в кругу семьи, а вот свадьбу будем гулять широко. С размахом...

Сидящие за столом замерли, как ариин проглотили. Тамара оглядела всех и добавила:

– И это не обсуждается!

Потом поднялась и направилась к двери гостиной, бросив через плечо Капитолине Сергеевне: «Догоняй!». Та покорно встала и пошла за Тамарой Ильиничной, как на закланье. На кухне состоялся следующий разговор.

– Если у тебя, дорогая сватья, нет связей в ЗАГ-Се, чтобы наших детей расписали через неделю, максимум две, после дня рождения Зойки, я возьму эту проблему на себя, – Тамара Ильинична вопросительно посмотрела на Капу, стряхнув невидимую нитку со своей кофточки с люрексом. – Прекрасенько распишутся и в сельсовете. Что скажешь, красавица?

– Никаких сельсоветов. Регистрироваться дети будут в Москве, в Грибоедовском ЗАГСе: Николай Васильевич, слава Богу, не последний человек, – Капитолина Сергеевна строптиво вскинула голову и продолжила. – Ресторан я закажу сама!

– Вот что я хочу тебе еще сказать, сватушка. Вдогонку, – Тамара Ильинична подошла к Капе вплотную и вкрадчивым шепотом сказала. – Если вы начнете выкобениваться и тянуть со свадьбой, то я твоего сыночка посажу за соращение малолетней. И надолго. Ты поняла меня, дорогуша?

Капитолина Сергеевна побелела, сощурила глаза и еще более вкрадчивым шепотом ответила:

– И платье я куплю сама, а то, судя по тому, во что одеты вы, дорогуша, невесту моего сына вы обрядите так, что позору не оберешься. Расходы – пополам! И это не обсуждается!...

... Свадебное застолье длилось уже больше двух часов и практически достигло своего апогея. Несмотря на то, что шикарный стол ломился от дефицита, а спиртное лилось рекой, гости, как это бывает обычно, не перемешались. Более того, в тот момент, когда приглашенные со стороны Зойки во главе с Тамарой Ильиничной перешли на народный фольклор, и то там, то тут стали слышны крепкие ненормативные выражения, немногочисленные приглашенные со стороны жениха во главе с Николаем Васильевичем тихо перебрались в другой зал, где потягивали вино, рассуждая о возможности мезальянса и невозможности уберечь от него своих драгоценных чад.

Капитолина Сергеевна металась из зала в зал, пытаясь в одном утихомирить разбушевавшуюся новоявленную родню, а в другом – успокоить огорченного мужа.

– Тамара Ильинична, уговорите свою сестру! То, что она делает и говорит, просто неприлично, – перекрикивая орущую музыку и прыгая в такт телодвижениям своей сваты, Капитолина Сергеевна пыталась урезонить гуляющих с размахом родственников.

Понимая всю бесполезность своих усилий, мама жениха решила зайти с другой стороны: она пошла к сыну. Молодые сидели во главе стола и были заняты исключительно друг другом.

Рядом с ними пристроились их свидетели, и им не было дела ни до кого вокруг. Когда Капитолина Сергеевна подошла к этой, выпадающей из общей картины, группе, девчонки хохотали, а мальчишки сдержанно улыбались какой-то шутке.

– Костик, как ты думаешь, не пора ли молодым в сторону опочивальни? – Капитолина Сергеевна постаралась подстроиться под настроение молодежи. – Мне кажется, что скоро здесь станет совсем неинтересно. Как вы думаете?

Костя и Зоя оторвались друг от друга, посмотрели по сторонам: гости уже давно забыли, по какому, собственно, поводу они здесь собрались и исчезновение виновников торжества просто не заметят.

– Да, мамуль, мы, пожалуй, поедом, – сказал Костя, переглянувшись с Зоей. – Ты только собери нам с собой корзинку с провизией. И парочку бутылок шампанского положи. Мы с ребятами еще дома посидим. Хорошо?

– Конечно, дорогой, сейчас сделаю, – Капитолина Сергеевна помчалась к метрдотелю.

– Наташ, поехали с нами, – обратилась Зоя к своей свидетельнице. – Посидим спокойно. Родители Костики поедут на выходные к друзьям на дачу, квартира в нашем распоряжении. Давай, пожалуйста!

– К сожалению, не смогу, дорогая. У меня завтра дела с утра. Извини, но вы можете сделать мне приятное и подвести почти до места, – Наташа поднялась и двинулась в гардероб. – Чтобы не привлекать внимания и не создавать толпу, расходимся по одному и встречаемся на выходе.

Через пять минут все отбывающие собрались в фойе, у дверей ресторана. Официант, под одобрительным взглядом Капитолины Сергеевны, передал водителю машины довольно увесистую корзину, набитую деликатесами, и все распрощались. Сидя в машине, молодежь еще выпила шампанского из пластиковых стаканчиков, закусила виноградом и, во весь голос распевая «Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба, пела и плясала...», понеслась по ночной Москве в свадебном кабриолете...

– Жду тебя, Зойка, в четверг на работе, – Наташа вышла из машины у метро «Новые Черемушки». – Поздравляю вас еще раз, новобрачные! Живите счастливо!

И Наташа, кутаясь в песцовый воротник пальто, помчалась в метро.

– ... Но ждать четверга не пришлось. Мы встретились с Зоей уже в понедельник утром: первой, кого я увидела, пройдя проходную, была Зоя, сидящая на скамейке во двореке нашего института, изрядно замерзшая и совершенно несчастная, – Наташа перевела дыхание, попросила Челикина стакан воды и продолжила. – По сути это и есть начало истории...

Я, естественно, очень удивилась, увидев Зою, потому что десять лет назад людям, вступающим в брак, полагался трехдневный отпуск с сохранением содержания сразу после свадьбы. Короче, Зоя никак не должна была появиться на работе в понедельник. Я почувствовала неладное, и спрашиваю:

– Что случилось, Зойка?

– Он ушел, – это Зоя мне отвечает.

– Кто ушел, когда, откуда? – это, само собой, спрашиваю я, в полном недоумении, и получаю в ответ такую историю...

... На следующий день после свадьбы Костик встал довольно рано, умылся, выпил кофе и, со словами «Лежи, лежи! Я быстренько на рынок!», покинул квартиру. Зойка полежала, понежилась еще какое-то время, но скоро ей это надоело, и она тоже встала, умылась и пошла на кухню выпить кофе. На видном месте кухонного стола лежала записка следующего содержания: «Я подаю на развод, потому что не ожидал от тебя такой подлости. Прошу тебя сегодня же покинуть нашу квартиру. Собери вещи, вечером приедет мама и вызовет тебе такси. Я больше не хочу тебя видеть. Как ты могла?!»

Зойка – в шоке! Часа два она металась по квартире, пытаясь найти объяснение такому повороту. Потом она хотела уйти из дома гордо, без вещей, что называется, в чем мать родила, но Костик предусмотрительно вытащил у нее из сумки ключи от квартиры. В конце концов, Зоя затихла и стала ждать приезда свекрови, надеясь выяснить у нее, что, собственно, случилось. Но лучше бы она этого не делала: приезд Капитолины Сергеевны не только не прояснил ситуацию, он ее усугубил! Зойка ходила хвостом за свекровью, которая молчала и методично сбрасывала в сумку все попадавшие ей под руку Зойкины вещи, и наматывала слезы на кулак. Когда сумка была собрана, Капитолина Сергеевна вызвала такси и полчаса до его приезда вела себя так, как будто Зойки не существует и в квартире она одна. После звонка диспетчера о прибытии машины, Зойкина свекровь демонстративно выставила сумку за дверь, дождалась, когда выйдет сама Зойка, процедила сквозь зубы «Чтобы ноги твоей здесь никогда не было!» и очень тихо и аккуратно закрыла дверь.

На вопрос водителя «Куда едем?» Зоя автоматически назвала Павелецкий вокзал – это был путь домой, но, поразмыслив, решила, что ехать к родителям, ни в коем случае, нельзя: деревня второй день отмечала ее свадьбу и, если она сейчас явится с вещами, то вся разогретая толпа родственников и соседей тут же рванет в Москву, чтобы разобраться. Тогда жертв не миновать!..

Короче, две ночи Зойка ночевала на вокзале, а в воскресенье целый день провела рядом с домом Костики в надежде встретить его и хотя бы поговорить. Не встретила и не поговорила, на ее телефонные звонки никто не отвечал: как потом выяснилось, Капитолина Сергеевна предусмотрительно сменила номер телефона. Я до сих пор удивляюсь, как она шустро всё провернула.

Но это еще не конец. Последней каплей стал вызов в ЗАГС для подписания документов о разводе. Там Зойка узнала причину, из-за которой Костик ее бросил. Официальную причину. Она была такова: Костик, мальчик из приличной семьи, был воспитан в целомудрии и считал, что его невеста должна быть девственницей по определению, а он в первую брачную ночь обнаружил, что Зоя таковой не является. Перенести такой удар Константин не смог и подал на развод. Каково? Капитолина Сергеевна сработала на опережение, и теперь никто не посмел бы обвинить ее драгоценного сына в растлении малолетней Зойки. После этого развода девочка больше двух месяцев жила со мной, в доме моих родителей, и мы не оставляли ее одну, прятали от нее колющие и режущие предметы, веревки, бутылки, зеркала... Всё, чем можно наложить на себя руки!

Правда, потом Зоя либо вняла нашим ежевечерним беседам, либо сама взялась за ум, но она выбила у своего начальника направление на учебу, и сначала поступила на рабфак, а потом автоматически в институт. Закончила его, через некоторое время Академию госслужащих и теперь возглавляет Управление труда и социальной поддержки при правительстве Московской области. На этой оптимистической ноте я хочу закончить историю любви и предательства!

Наташа замолчала. Сергей тоже помолчал какое-то время, потом спросил:

– И вы, после того, что рассказали, считаете, что у вашей подруги нет мотива?

– Возможно, мотив был тогда, десять лет назад, а сейчас, уверена, его нет, – Наташа усталоотреагировала на вопрос следователя. – Я ведь в конце концов узнала, в чем дело, почему возник этот развод. Моя встреча с Гриневским была месяца через два после свадьбы и развода, когда мы уже руки опустили, пытаясь вытащить Зойку из депрессии. Я напрямую спросила его, в чем проблема, и он напрямую мне ответил, что Зоя хотела посадить его за растление, если он не женится на ней. Ему об этом сказала мама, а маме, в свою очередь, это сказала Зоя. Вот так! Капитолина Сергеевна вложила версию Тамары Ильиничны в уста молоденькой и глупой Зойки, а Костя – молодой подлец и маменькин сынок сразу и безоговорочно поверил. Зое я, естественно, ничего не сказала, только заметила, что Костик и мизинца ее не стоит! И началось выздоровление!..

– Спасибо вам, Наташа, за рассказ, за разъяснения. Он прояснил мне ситуацию с первой женой Гриневского, но лишил меня еще одного подозреваемого, – Сергей Челикин встал из-за стола и протянул руку посетительнице. – Уже поздно, я попрошу дежурную машину, чтобы вас отвезли, куда вы скажете.

Проводив Наташу, следователь поднял трубку и заказал машину.

– Да, история! – раздалось из кресла, в котором спал Валера Дейно, и Сергей подпрыгнул от неожиданности. – Я, прям, заслушался. Можешь эту Зою вычеркнуть из списка преступниц....

Глава 6

МОСКВА, 1984

Костя лежал на диване и пустыми глазами смотрел на экран телевизора, когда раздался звонок. Лялю он еще позавчера спроводил к родителям, поэтому ему самому пришлось открывать дверь, хотя после того, что случилось, он не хотел никого видеть. На пороге стояла незнакомая и какая-то замученная тетка, которая рылась в своей необъятной сумке.

– Вам заказное письмо, – она протянула конверт, продолжая рыться в сумке, как потом выяснилось, в поисках авторучки. – Распишитесь.

Женщина с облегчением протянула Косте найденную ручку и замусоленный бланк, ткнула пальцем в нужную строчку, дождалась, когда адресат поставит там свою подпись в виде закорючки, и молчком рванула в сторону лифта.

Костя посмотрел на имя отправителя, которое значилось на конверте. Письмо было от матери. От матери, которой не стало два дня назад...

Костик оторопело смотрел на прямоугольник конверта и пытался вернуть мозги в рабочее состояние. Это удавалось с большим трудом: мысли метались в голове с такой скоростью, что сосредоточиться на одной из них не представлялось возможным. «Это что? Очередная мамина шутка?» – эта мысль заслонила все остальные и встала в полный рост. Костя чувствовал и умом, и сердцем, что в письме нет ничего хорошего, что оно изменит его жизнь. Он его боялся.

Пройдя на кухню, Константин вдруг обрадовано вспомнил, что он сегодня еще не ел. Необходимость занять чем-то руки, привела его почти в восторг. Он открыл холодильник, проигнорировал все кастрюльки с едой, которую приготовила еще его мать, достал ветчину, три яйца, масло. Постоял задумчиво перед открытым холодильником еще немного, вытащил один помидор и кусок сыра.

Поиски сковороды заняли у Костика довольно много времени: кухня не была его вотчиной. Наконец все подготовительные работы были проделаны, и на разогретую сковородку отправились красиво порезанный кружочками помидор, мелко-мелко нашинкованная ветчина и аккуратно разбитые, чтобы сохранить в целости желтки, яйца. Вся эта красота аппетитно шкварчала и издавала сногшибательные запахи. Костя натер сверху сыр, накрыл на двадцать секунд этот кулинарный шедевр крышкой и, совершенно довольный собой, выложил яичницу а-ля «палочка-выручалочка» на тарелку.

Проделав все это, Костя с ужасом обнаружил, что прошло только двадцать три минуты. Стараясь делать все, как можно медленнее, молодой человек заварил чай, налил его в свой любимый хрустальный стакан в подстаканнике, который достался ему от отца, привычно сервировал стол, достал хлеб и совершенно автоматически сунул его в тостер, дождался, когда тот «выплюнет» содержимое и сел.

Сел и понял, что есть он не хочет. Сделав над собой усилие, Костик все-таки проглотил сотворенную им красоту. Вкуса он не почувствовал, потому что взгляд его был прикован к лежащему на столе письму, которое не давало покоя. Вымыв, опять же по привычке, после себя посуду, Костя понял, что ему не отвертеться, и откладывать больше нет ни сил, ни возможности. Он взял письмо, аккуратно кухонными ножницами отрезал сбоку тоненькую полоску бумаги. Конверт был открыт, но вытащить из него лист бумаги было страшно. Посидев еще немного, вздохнув глубоко, как перед прыжком в воду, Костик достал сложенное в два раза послание.

«Любимый мой!»

Руки задрожали, лист выпал, лицо у Константина стало, как отсиженная нога, – так всегда бывало у него, когда кровь отливала от щек, сердце задергалось, как если бы не понимало, куда ему сейчас – сверху вниз или слева направо? Но отступить было некуда, и Костик начал читать!

«Любимый мой! Любимый мой сын!

У меня нервный срыв. Или нет, не срыв. Я просто устала так жить: думая, что все нормально, когда все из рук вон плохо, ходить на работу, которая кроме скуки не вызывает больше никаких чувств, примирять себя с обстоятельствами, а обстоятельства с собой, стараться никого не обидеть, когда этого хочется больше всего на свете. Я понимаю, что так жить нельзя. А как надо?

И все-таки, у меня нервный срыв. Ненавижу это состояние. Не люблю плакать. Ненавижу себя жалеть. Нельзя себя жалеть. Я – сильная! Но иногда так хочется быть слабой. Хочется жалости, поддержки... И это сразу начинает раздражать. Зачем меня жалеть? Я – сильная, и не нервируйте меня. Но так тоже нельзя... А как можно?

Мой сын. Мой самый любимый человек на свете. Самый-самый. С ним хорошо. Мне хорошо быть с ним вдвоем. Я – его, а он – мой, и он тоже любит меня, но не так, как мне хотелось бы. Во главе угла всегда его желания, его женщины, его жены. Жить с этим грузом невозможно. И все это меня не отпустит, даже если я уйду. Нет, так жить нельзя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.